

Научная статья

УДК 821

DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-250-260

EDN: OJCWCK

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ОБРАЗА КОНЯ В КАБАРДИНСКОЙ И РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Лаура Альбердовна Тенгизова

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, laura.tengizova@mail.ru

Аннотация. Среди ключевых зооморфных образов в классической литературе конь занимает особое место. В данной статье производится сравнительный анализ образа коня в русской и кабардинской поэзии. Приводятся результаты сравнительного анализа национально-культурной специфики образа коня на материале русского и адыгского языков, рассматривается многообразие иппологических мотивов, связанных с вопросами фатализма и свободы, этики и эстетики, а также экологического сознания человека. Образные сопоставления коня в кабардинском и русском языках независимо от их генетического родства способствуют выявлению сходных и различных черт в особенности их организации и функционирования. Делается вывод о важной роли образа коня в русской и кабардино-черкесской поэзии, поскольку конь – давний верный спутник жизни человека, это сложный, многогранный и не до конца ясный символ.

Ключевые слова: русская и кабардинская поэзия, зооморфный образ, конь, свобода, эстетика, сострадание, диахрония.

Для цитирования: Тенгизова Л.А. Этнокультурная специфика образа коня в кабардинской и русской поэзии // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 2. – С. 250-260. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-250-260. EDN: OJCWCK.

© Тенгизова Л.А., 2023

Original article

ETHNOCULTURAL SPECIFICITY OF THE IMAGE OF A HORSE IN THE KABARDIAN AND THE RUSSIAN POETRY

Laura A. Tengizova

Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, laura.tengizova@mail.ru

Abstract. Among the key zoomorphic images in classical literature, the horse occupies a special place. In this article, a comparative analysis of the image of a horse in Russian and Kabardian poetry is performed. The results of a comparative analysis of the national-cultural specifics of the image of a horse based on the material of the Russian and Adyghe languages are presented, a variety of hippological motives related to issues of fatalism and freedom, ethics and aesthetics, as well as human environmental consciousness are considered. Figurative comparisons of the horse in Kabardian and Russian poetry, regardless of their genetic relationship, contribute to the identification of similar and different features, especially their organization and functioning. The conclusion is made

about the important role of the image of the horse in Russian and Kabardino-Circassian poetry, since the horse is a long-time faithful companion of human life, it is a complex, multifaceted and not completely clear symbol.

Keywords: Russian and Kabardino-Circassian poetry, zoomorphic image, horse, freedom, aesthetics, compassion, diachrony.

For citation: Tengizova L.A. Ethnocultural specificity of the image of a horse in the Kabardian and the Russian poetry. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 2. – P. 250-260. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-250-260. EDN: OJCWCK.

© Tengizova L.A., 2023

Издrevле в мировой художественной литературе на равных правах с человеком присутствуют образы животных, которые справедливо названы отечественным философом и литературоведом М.Н. Эпштейном «зеркалом гуманистического сознания» [Эпштейн 1986: 127]. На самом деле, отношение homo sapiens к животному является мерой человеческого начала в человеке.

Объектом статьи является образ коня в русской и кабардинской поэзии.

Цель данной работы заключается в проведении сравнительно-сопоставительного анализа образа коня на материале разносистемных языков.

Одно из приоритетных мест среди зооморфных образов в классической литературе занимает конь – «сама стихия, несущая на себе человека, придающая ему царственное величие [Эпштейн 1986: 188]. Конь у адыгов – символ Солнца. В связи с мотивом коня и всадника следует отметить и своеобразие сакральной горы адыгов. Вершина Эльбруса похожа на седло, сама гора – как бы конь – священное животное, устремленное к Пути Всадника (Млечному пути) – символу бессмертия народа. Самые счастливые могут увидеть над горами сияние Гобжагоша [Тхагазитов 1996: 32]. Долгое время лошадь играла немаловажную роль в жизни кабардинца, как воина, так и земледельца. Можно сказать, лошадь была членом семьи. Она была и транспортным средством, мощной тягловой силой в полевых работах. Конь для черкесов был больше чем просто конь, так как они отдавали ему главенствующее место в иерархии животных. Во время военного положения, долгих переходов два существа, – сильных, своенравных, – человек и конь становились единым целым и понимали друг друга без слов. Нередки случаи, когда конь выносил своего хозяина с поля боя. Образ лошади довольно часто встречается в кабардинском фольклоре, где занимает особое место и всегда выступает другом любого героя. В героическом нартском эпосе это животное является таким же всемогущественным, как сам герой. Конь выступает как человек, как говорящая сверхъестественная сила, который имеет невероятные силы и возможности. Это животное наделен человеческим языком. Образ коня с большим успехом осваивает героическое пространство эпоса и человеческой жизни. Коня как верного друга и боевого товарища нарты всячески оберегали. Конь трудолюбив, вынослив, свободен от низменных страстей и более других животных приспособлен к людям. Конь, пока не испытает своего хозяина на верность в дружбе и отвагу, не доверится ему. Он не допускает к себе слабых и трусливых. Вот как описывается конь, которого Сосруко впервые оседлал, чтобы доказать,

что он стал настоящим джигитом и готов для совершения великих дел на благо нартов: «Что только не выделывал конь! И на дыбы вставал в воздухе, и вниз головой бросался в бездну и снова взмывал ввысь, и скакал вверх ногами, а Сосруко все держался за его гриву, не падал» [Шортанов 1974: 43]. В этом примере мы наблюдаем как они дни и ночи сражались друг с другом, Сосруко загонял коня на гору, сгонял его оттуда в том же темпе, и так – каждый день. В итоге поединок завершился тем, что конь покоряется герою: обещает ему быть верным до конца жизни и ни разу не отступил от этого. Конь полюбил человека, человек – коня. Так они стали близкими друзьями.

Для исследования образа коня на базе кабардинской поэзии в первую очередь мы обратились к творчеству Алима Кешокова. Его поэтический мир является одним из самых «населенных» лошадьми. У Алима Кешокова опозитизирован конь, ассоциирующийся с силой, верностью, благородством, добротой. Это животное неотъемлемая часть жизни героя. В стихотворении «Шу пхъашэ» («Мужественный всадник») конь и надежный помощник, и верный спутник, и соратник героя: «Е шу е л1э уэ, къызжалэми, / Сышыншэм – л1эныр къыхызохыр» [Кешоков 2004: 92] («Если скажут мне: садись на коня или умри – то, если я без коня, то – выберу смерть»).

Так, в «Тельхъэ уанэ си шым» («Оседлай моего коня») и «Дэ ди шухэр щхъэмыгъазэщ» [Кешоков 2004: 73] («Наши всадники бесстрашные») военное положение затрагивает не только всадника, но и его коня. Лошади кабардинской породы во время войны сильные и выносливые, могут нести всадника в течение многих часов, не ведая голода и усталости. Они очень устойчивы на узкой горной тропе, не боятся крутых скал, быстрых рек и глубокого снега. Например, в стихотворении «Тельхъэ уанэр си шым» («Оседлай моего коня») развитие получает мотив незаменимости лошади, как помощника на войне так же, как и в мирной жизни: «Тельхъэ уанэ си шым, уэ си шынэхъыщ1э. Зауэм к1уэ жалауэ, Тэрчк1э соукъуэдий» (О мой младший брат, оседлай моего коня. Мне сказали на войну, еду в сторону Терека).

Так же в другом стихотворении «Дэ ди шухэр щхъэмыгъазэщ» («Наши всадники бесстрашные») обращает на себя внимание образ коня, который традиционно эксплуатируется человеком на фронте. В этой связи вспоминаются слова Э.М. Ремарка, который сказал: «Самая большая подлость человека – гнать животных на войну» [Ремарк 2014: 301].

Конь – символ жизненной силы, красоты, грациозности, мощи и завораживающего гармоничного движения. Символ верности и в то же время неукротимой свободы бесстрашия, воинской доблести и славы. Конь олицетворяет мужскую солярную силу и является подножием для поднимающегося духа человека [Тресиддер 1999: 201]. В такой же степени у Хасана Тхазеплова опозитизирован конь. В стихотворении Х. Тхазеплова «Си шагъдий» конь – неременный друг героя, помогает ему в самые трудные минуты. Герой обращается к нему как к равному себе, награждая его такими эпитетами, как *лъэщ*, *Луц* (*мужественный, умный*) и т.д. Интересным также является обращение героя к своему коню: *Зынэукъуэдий, си къуэщ, алацэ. Уэ зыри япэ йомыгъэщ* (*Мой брат, мерин, вперед. И пусть все останутся позади*) [Тхазеплов 2003: 98].

Образ коня у Бетала Куашева – один из самых популярных – «Шу жэрхэм я хэкум и гуацэ» (Царица в стране быстроходных коней»), «Шым пэщхыныр игъэхуахъуэу» («Конь, грозно фыркающая ноздрями»), «Шагъдий» («Конь»).

В его поэтическом мире нет жестокости и бессердечия всадника по отношению к коню. Бетал Куашев через искренние и ласковые чувства выражает отношение к этим благородным животным. Неоднократно в «Шагъдий» («Конь») описания ухода за лошадьми: «Уанэ тесльхэнуи зэхищ1эм, К1эбдзк1эмэджэгу си шагъдийр» (Учуяв седло, мой чистокровный мерин, пускается в пляс от радости»). В строках стихотворения можно также встретить примеры, характеризующие отношение черкесов к лошадям, увидеть проявление к ней, в свою очередь, заботу и любовь: «Дэсшэмэ псыхъуэм, сабийуэ Си гур хигъахъуэу мэджэгу» (Когда жеребенком привожу к реке, играет, резвится и горжусь я в душе). Черкес скорее сам будет голодать, чем оставит лошадь ненакормленной: «Шэщым щыщ1этым зигъэнц1уэ Ешхыр нэхъ къабзэу овес» (А когда он в конюшне, наедается вдоволь овса); «Ныджэм хъуэк1уэну тесшэхук1э Хъуп1эщ1э к1ыр хузогъуэт» («Когда в поле выходим, ищу для него самые сочные пастбища»).

Наряду с качественными характеристиками образа животного автор стихотворения уделяет внимание и внешним признакам коня: «шы губзыгъэ» («умный конь»), «шхальэм сабыруэ бгъэдэтц» (Стоит у кормушки спокойно), «Шылэу мэлыдыр и сокур, К1эр пщацэ щхъэцуэ сохуэн» («Грива блестит, как шелк, Хвост заплетаю, как девичью косу»).

Образ коня играет важную роль в стихотворении «Шу жэрхэм я хэкум и гуацэ». Конь ассоциируется во всех смыслах, в первую очередь, с движением, скоростью и устремлением:

*«Шу жэрхэм я хэкум и гуацэ,
Гу щабэу Марие – Тхэ шыпхъу,
Уэ л1ым и л1ыгъэн уи гуацэт,
Пцэдейм хуаук1ауэ гъэльэхъу... [Куашев 1996: 154]*

Царица стремительных, быстроходных коней,
Сердобольная Мария – Бога сестра,
В душе ты хранила силу мужскую,
Принесенную в жертву на завтра баран...
(Подстр. пер. – Л.Т.)

В такой же степени представлен этот образ и в стихотворении «Шым пэщхыныр игъэхуахъуэу» («Грозно фыркающая ноздрями, мой конь»). Так как бег коня олицетворяет волю (в обоих смыслах этого слова): напор, идущий изнутри, и простор, раскинувшийся снаружи, – то не менее существенным, чем покорение мира конем, выступает мотив покорения самого коня:

*Шым пэщхыныр игъэхуахъуэу
Уи щхъэгъубжэм сыныблех,
Макъ имыщ1уэ си гур гъуэхъуэу
Нысф1ыпхуок1уэ, фэхъус къуех. [Куашев 1996: 212]*

Грозно фыркая ноздрями, мой конь
Проносит меня мимо окон твоих,
Бесшумно, радуясь, гордясь
Мое сердце стремится к тебе
Здоровается с тобой, с любовью.

(Подстр. пер. – Л.Т.)

Эти строки свидетельствуют, что даже в самых значительных стихотворениях Куашев не может обойти образ коня, проявляя свою привязанность к нему и сочувствие как к дорогому живому существу.

В художественном мире Адама Шогенцукова конь имеет особую связь с его личными взглядами, характером, который выражается в истинной любви к свободе не только физической, но и духовной, творческой. Это желание наиболее точно выражается в образе всадника и его верного коня, которые в буквальном смысле сливаются воедино. Конь является символом силы, быстроты и неутомимого бега. Идущий изнутри напор коня и раскинувшийся снаружи простор – олицетворение воли в беге коня. Поэтому не менее важно стремление лирического героя покорить самого коня – приручить себе волю:

*Быстрой мои летите кони!
Вас, выхоленных и горячих,
Купал, кормил я для погони,
Готовил к испытаньям скачек* [Шогенцуков 1986: 135].

Мотив силы, быстроты и неутомительного бега присутствует и у Тхагазита Зубера. Образ коня и всадника в стихотворении «Шыгъажэм» имел парадигмальное значение, формировал всю феноменологическую очевидность, естественную сущность образа адыга. Ему идеально удалось так искусно передать движение, преследование, скачку:

*Къэсац псом япэ!
Гур мэусэр!
Къа!эт ныбжъэгъухэм,
Драдзейр...* [Тхагазитов 2005: 346]

Пришел он первым!
Сердце бьется из груди!
Подбежали все друзья,
И подбрасывают его высь...

(Подстр. пер. – Л.Т.)

Для Абдулкерима Сонова конь – вне сомнений, тоже символ, несущий в себе множество значений. В стихотворении «Шагъдий» конь выполняет номинальную функцию измерителя пространства-времени. Его полет – полный синоним преодоления физических законов, нарушение которых дозволено еще птицам. Молчание неба и дробный ритм копыт воплощают прерывистость и постоянство, дискретность и абсолютность времени.

*Си шы къаранцӀэу нцӀаицхъуэу цӀэльэтым
 Ди губгъуэ куэцӀыр уи зэ ичыгъуэц;
 Уэ уи лгъэ макъыу тхыдэм къыхэщыр
 Лтыгъэ макъамэр и джэртэдэжжэжкъэ! [Сонов 2010: 101].*

Конь мой вороной быстрее ласточки
 В наши просторы как один пролет;
 В хвалебной песне героев
 Отзывается эхом!

(Подстр. пер. – Л.Т.)

Испокон веков к лошади адыги относились так же, как в русскоязычном пространстве это делали казаки: ее считали близким другом, соратником, воином, которому можно довериться на поле битвы. На данную особенность обращали внимание путешественники, ученые, культурологи. Например, описывая долину р. Пшада, Э. Спенсер отмечал: «...всего этого у моего хозяина было бесчисленное множество и очень прекрасных, особенно лошадей» [Спенсер 1993: 99]. Или: «В то время, когда в 1833 году на Кавказе свирепствовал ужасный голод, князь Пшекой Черченейский кормил любимых своих коней разного рода нежными зернами, тогда как его люди претерпевали страшный недостаток и в насущном хлебе, и об этом обстоятельстве во всех племенах Черкесии рассказывали, как о похвальном подвиге» [Спенсер 1993: 103]. Конь в жизни кабардинцев играл значительную роль как верный спутник на пути чести и славы. Лошадь для черкеса-воина – это его второе «Я». Адыги также говорят: «В жилах лошади течет человеческая кровь, что свидетельствует об особом отношении к этому животному. Шы символизирует мужество, смелость, выносливость, преданность, твердость». Так, в стихотворении Н. Шогенцукова «Шы емылдыжу йотхауэ» («Необъезженный конь лягается») военное положение затрагивает не только всадника, но и его коня:

*Залымыгъэ цӀанцӀэу дунеижьыр
 Шы емылдыжу йотхауэ.
 ЗыльэмыкӀ нэхъыжъхэм
 Яхуэгъэвкъым гуауэр.
 Уанэгум быдэу имысахэр
 Гъуэзукум цыпегъэцӀэц [Шогенцуков 2000: 7].*

Территория жестокостей земля
 Как необъезженный конь лягается.
 Беспомощные старики
 Не могут перенести горе.
 Кто не удержался в седле
 На полпути погибал.

(Подстр. пер. – Л.Т.)

Чисто символическое значение приобретает цвет коня в стихотворении Петра Хатуева «Щымаху шу» («Зимний всадник»): белый конь – символ света, жизни и духовного просветления.

*ПицIэгъуалэм тесыр
Сыт зыхуер?
Къэсауэ –
Кудейм зыщукъуэдий [Хатуев 2008: 83].*

Прискакавший всадник на белом коне
Что ищет он в чужом краю?
Скачет галопом по нашей земле.

(Подстр. пер. – Л.Т.)

В творчестве яркого талантливого кабардинского поэта Х. Кажарова лошадь как зов предков, то, без чего он не представляет своей истории, культуры. Поэт рассматривает данный образ, противопоставляя его «железному коню», так как для него, выходца из сельской местности, лошадь прежде всего помощник крестьянина, и замена её на трактор – большое событие. Он не скрывает свою любовь и нежность к этому животному, ему горько, что место лошади заняли:

*На «плеши» от солярки.
И там, где лежит сломанный трактор,
Паслась когда-то лошадь.
Что же мне делать теперь? [Кажаров 2008: 24].*

Лошадь становится символом уходящего века, прошлого. Автор понимает это, и его одолевает грусть, что вместо следов копыт и густой травы он видит «плешь» от солярки. Образ лошади рассматривается поэтом биполярно «лошадь-трактор (машина)». Он противопоставляет сельское и городское, прошлое и будущее, живое-неживое, природу и прогресс, который вредит ей. Поэт чувствует сильную, буквально космическую связь с землей, местом, где он родился, олицетворением которого в стихотворении выступает лошадь, которую вытесняет трактор, столь ненавистный поэту.

Таким образом, конь в адыгской поэзии – это символ жизненной силы, мужества, храбрости и верности. Конь дополняет своего эпического героя, подкрашивая и идеализируя его подвиги. То есть данное животное подчеркивает необычайность героя: его смелость, решительность, благородство, героизм, проявляемые ради того, чтобы одержать победу на пути к достижению цели.

Перспективное развитие данной научной темы видится в исследовании образа коня и в русской поэзии с привлечением стихотворений А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова, А. Бунина, С.А. Есенина и Н. Заболоцкого.

В поэзии А.С. Пушкина многочисленны изображения лошадей. «Скользя по утреннему снегу», лирический герой стихотворения «Зимнее утро» вместе со своей возлюбленной готов «предаться бегу» // «Нетерпеливого коня». «Плетется рысью» лошадка крестьянина, едущего на дровнях по первому снегу в романе «Евгений Онегин», а рядом с ней «Бразды пушистые взрывая // Летит

кибитка удалая». В том же романе летит «в пыли на почтовых» «молодой пове-са», а дворовый мальчик преобразует в коня самого себя. «По дороге зимней, скучной // Тройка борзая бежит», преодолевая трудности печальной и темной зимней дороги.

По нашему наблюдению, в поэтической натурфилософии А.С. Пушкина конь символизирует онтологические границы человеческой свободы и несвобо-ды. Так, извечное стремление личности вырваться из оков социальной или пси-хологической неволи воплощено в образе «кобылицы молодой» из одноимен-ного стихотворения поэта:

*Кобылица молодая,
Честь кавказского тавра
Что ты мчишься, удалая?
И тебе пришла пора;
Не косись пугливым оком,
Ног на воздух не мечи,
В поле гладком и широком
Своенравно не скачи.
Погоди; тебя заставлю
Я смириться подо мной:
В мерный круг твой бег направлю
Укороченной уздой [Пушкин 1986: 146].*

В «Медном Всаднике» конь олицетворяет разбушевавшуюся природную стихию («И тяжело Нева дышала, // Как с битвы прибежавший конь»), знак народного бунта, угрожающего незыблемости государственной власти. По худо-жественной логике стиха, на стороне коня – вся Россия, которую царская власть удерживает «уздой железной». А.С. Пушкин заостряет внимание на ир-рациональной силе, подавленной мощью империи, но способной взбунтоваться в любой момент, когда давление приобретет критический характер.

Совсем иную окраску образ коня обретает в поэзии Н.А. Некрасова. Ха-рактерно, что даже чисто лексически народный поэт почти не использует но-минацию «конь», предпочитая простонародное «лошадка». Автор с ярко выра-женным экологическим сознанием впервые вводит в русскую поэзию мотив со-страдания к животному. В стихотворении «Под жестокой рукой человека» поэт создает пронзительную картину избиения лошадки погонщиком:

*Вот она зашаталась и стала.
«Ну!» – погонщик полено схватил
(Показалось кнута ему мало) –
И уж бил ее, бил ее, бил!
Ноги как-то расставив широко,
Вся дымясь, оседая назад,
Лошадь только вздыхала глубоко
И глядела... (так люди глядят,
Покоряясь неправым нападкам).
Он опять: по спине, по бокам,
И вперед забежав, по лопаткам
И по плачущим, кротким глазам! [Некрасов 2017: 267]*

В XX в. конь остается фаворитным образом в русской поэзии, хотя приобретает новое «прочтение», сообразное времени. Так поэты Серебряного века «сканируют» эстетическое, даже скульптурное совершенство животного, воспевают его красоту и грацию. В стихотворении «Кобылица» И. Бунина лошадь наделяется гендерно маркированной экспрессией, богатством эмоциональных чувств:

*Она взмахнула легкой гривой
И, ноздри к ветру обратив,
С тоскою нежной и счастливой
Кому-то страстный шлет призыв [Бунин 1986: 72].*

В поэзии раннего С. Есенина воссоздается гармония Вселенной, картина полной вписанности животного мира в универсум. Посредством цветовой символики (зеленый, золотой, синеватый, смоль, серебряный), интертекстуальных переключек между зооморфными и солярными образами (кони, месяц) подчеркивается взаимосвязанность всего сущего в мире:

*В холмах зеленых табуны коней
Сдувают ноздрями золотой налет со дней.
С бугра высокого в синеватый залив
Упала смоль качающихся грив.
Дрожат их головы над тихою водой,
И ловит месяц их серебряной уздой [Есенин 1977: 39].*

В контексте нашего исследования особое значение приобретает стихотворение Н. Заболоцкого «Лицо коня». Для автора важна «реабилитация» образа коня, возвышение его статуса до уровня человеческого, воздание ему (а в его лице и всему животному миру) заслуженных почестей, которых он на протяжении веков был лишен. Обращает на себя внимание лексический прием автора, который намеренно вместо типичных зооморфных слов в обрисовке животного использует «человеческие»: не «морда», а «лицо», не «шерсть», а «волосы». Возвышение образа коня достигается автором также использованием специфических титулов (рыцарь, царь), имеющих отношение к сословно-иерархической сфере:

*И конь стоит, как рыцарь на часах,
Играет ветер в легких волосах,
Глаза горят, как два огромных мира,
И грива стелется, как царская порфира [Заболоцкий 1985: 97].*

Естественно, если учесть авторскую точку зрения, то стихотворение Н. Заболоцкого, возвышающее коня, одновременно возвышает и человека, подчеркивает его переход на качественно новый уровень высокого гуманизма.

Проведенный нами анализ показал многообразие ипологических мотивов в русской поэзии, зависящих от исторических условий, этико-эстетических предпочтений культурной эпохи и творческой индивидуальности автора. Вместе с тем просматривается диахроническое движение образа коня сквозь толщу

русской поэзии, свидетельствующее об усилении гуманистического, сострадательного начала в человеке.

Конь в обеих культурах занимает важное место. Он давний верный спутник жизни человека, это сложный, многогранный и не до конца ясный символ.

В результате анализа русской и кабардинской поэзии с анималистическими компонентами можно сделать следующие **выводы** о роли образа коня, о его значении в культуре разных народов:

– в кабардинской и русской поэзии одинаково эксплицируются следующие признаки образа коня: в обеих культурах конь характеризуется в первую очередь как быстрое, скоростное и сильное животное.

– в кабардинском и русском языке «конь» является символом жизненной силы, свободы, храбрости и славы.

– в русской поэзии образ коня представлен гораздо разнообразнее, нежели в стихотворениях кабардинского языка. Это может быть связано с богатством русского языка либо с разными ассоциациями по отношению к образу коня.

Исходя из вышеизложенного, мы убедились, что существуют сходства и различия возможных значений образа коня в кабардинском и русском языках. При этом эквивалентные значения преобладают над несовпадающими. Причины кроются, возможно, в том, что у кабардинцев и русских совершенно разные этнические и территориальные границы, своя культура, которая вносит свои коррективы в видение образа коня у разных этносов, и свой язык, богатый по-своему.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Бунин 1986 – *Бунин И.А.* Стихотворения и переводы. – Москва: Современник, 1986. – 528 с.
- Есенин 1977 – *Есенин С.А.* Стихотворения и поэмы / Оформление А. Хлопова. – Уфа, Башкирское книжное издательство, 1977. – 304 с.
- Заболоцкий 1985 – *Заболоцкий Н.А.* Стихотворения. – Москва: Советская Россия, 1985. – 352 с.
- Кажаров 2008 – *Кажаров Х.Х.* К 70-летию Хаида Кажарова // Литературная Кабардино-Балкария. – 2008. – № 4. – С. 24-26.
- Кешоков 2004 – *Кешоков А.* Собрание сочинений: В 6-ти т. Том 1. Стихотворения и поэмы. – Нальчик: Эльбрус, 2004. – 512 с.
- Куашев 1996 – *Куашев Б.И.* Стихотворения и поэмы. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 304 с.
- Некрасов 2017 – *Некрасов Н.А.* Стихи. – Москва: Проф-Пресс, 2017. – 96 с.
- Пушкин 1986 – *Пушкин А.С.* Полное собрание стихотворений. – Москва: Художественная литература, 1986. – 526 с.
- Ремарк 2014 – *Ремарк Эрих Мария.* На западном фронте без перемен; пер. с нем. Ю.Н. Афонькина. – Москва: АСТ, 2014. – 317 с.
- Сонов 2010 – *Сонов А.* Родная речь. 3 класс. – Нальчик: Эльбрус, 2010. – 151 с.
- Спенсер 1993 – *Спенсер Э.* Путешествие в Черкесию (1839). – Майкоп: Адыгея, 1993. – 152 с.
- Тресиддер 1999 – *Тресиддер Дж.* Словарь символов. Москва: торг. дом «Гранд»: Фаир-пресс, 1999. – 400 с.
- Тхагазитов 2005 – *Тхагазитов З.* Стихи и поэмы. – Нальчик: Эльбрус, 2005. – 412 с.
- Тхагазитов 1996 – *Тхагазитов Ю.М.* Эволюция художественного сознания адыгов. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 167 с.
- Тхазеплов 2003 – *Тхазеплов Х.М.* Избранное: в 2-х томах. Стихотворения и поэмы. – Нальчик: Эльбрус, 2003. – 392 с.
- Хатуев 2008 – *Хатуев П.* Стихи. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 95 с.
- Шогенцуков 1986 – *Шогенцуков А.О.* Поющее зерно: Стихи, поэма. – Москва: Советский писатель, 1986. – 208 с.

- Шогенцуков 2000 – *Шогенцуков Н.* Стихи, поэмы. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 255 с.
 Шортанов 1974 – *Шортанов А.Т.* Нартский эпос адыгов (адыгский героический эпос). – Москва: Наследие, 1974. – 206 с.
 Эпштейн 1986 – *Эпштейн М.Н.* Мир животных и самосознание человека // Художественное творчество. Человек-Природа-Искусство. – Л.: «Наука», 1986. – 306 с.

REFERENCES

- BUNIN I.A. *Stihotvoreniya i perevody* [Poems and translations]. – Moscow: Sovremennik, 1986. – 528 p. (In Russ.).
 YESENIN S.A. *Stihotvoreniya i poetry* [Poems and poems] / Ofornlenie A. Hlopova. – Ufa, Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1977. – 304 p. (In Russ.).
 ZABOLOTSKY N.A. *Poemy* [Poems]. – Moscow: Soviet Russia, 1985. – 352 p. (In Russ.).
 KAZHAROV KH.KH. *70-letiyu Hamida Kazharova*. [To the 70th anniversary of Hamid Kazharov]. In: *Literary Kabardino-Balkaria*. – 2008. – No. 4. – 24-26 p.
 KESHOKOV A. *Sobranie sochinenij: V 6-ti t. Tom 1. Stihotvoreniya i poetry*. [Collected works: In 6 vols. Volume 1. Poems and poems]. – Nalchik: Elbrus, 2004. – 512 p. (In Russ.).
 KUASHEV B.I. *Stihotvoreniya i poetry* [Poems and poems]. – Nalchik: Elbrus, 1996. – 304 p. (In Russ.).
 NEKRASOV N.A. *Poemy* [Poems]. – Moscow.: Prof-Press, 2017. – 96 p. (In Russ.).
 PUSHKIN A.S. *Polnoe sobranie stihotvorenij* [The complete collection of poems]. – M.: Fiction, 1986. – 526 p. (In Russ.).
 REMARK E.M. *Na zapadnom fronte bez peremen; per. s nem. YU.N. Afon'kina*. [On the Western front without change; translated from German by Yu.N. Afonkina]. – M.: AST, 2014. – 317 p. (In Russ.).
 SONOV A. *Rodnaya rech'*. [Native speech]. 3 klass. – Nal'chik: El'brus, 2010. – 151 p. (In Russ.).
 SPENSER.E. *Puteshestvie v CHerkesiyu (1839)*. [Puteshestviye v Cherkesiye (1839)] [Journey to Circassia (1839)]. – Maykop, Adygeya, 1993. – 152 p. (In Russ.).
 TRESIDDER J. *Slovar' simvolov* [Dictionary of symbols]. – Moscow: torg. dom «Grand»: Fair-press, 1999. – 400 p. (In Russ.).
 THAGAZITOV Z. *Stihotvoreniya i poetry* [Poems and poems]. – Nalchik: Elbrus, 2005. – 412 p. (In Russ.).
 THAGAZITOV YU.M. *Evolyuciya hudozhestvennogo soznaniya adygov*. [The evolution of the artistic consciousness of the Adygs]. – Nalchik: Elbrus, 1996. – 167 p. (In Russ.).
 TKHAZEPLOV H.M. *Izbrannoe: v 2-h tomah. Stihotvoreniya i poetry*. [Favorites: in 2 volumes. Poems and poems]. – Nalchik: Elbrus, 2003. – 392 p. (In Russ.).
 KHATUEV P. *Poemy* [Poems]. – Nalchik: Elbrus, 2008. – 95 p. (In Russ.).
 SHOGENTSUKOV A.O. *Poyushchee zerno: Stihi, poema*. [Singing grain: Poems, poem]. – Moscow: Soviet Writer, 1986. – 208 p. (In Russ.).
 SHOGENTSUKOV N. *Stihi, poetry* [Poems, poems]. – Nalchik: Elbrus, 2000. – 255 p. (In Russ.).
 SHORTANOV A.T. *Nartskij epos adygov (adygskij geroicheskij epos)*. [The Nart epic of the Adygs (the Adyghe heroic epic)]. – Moscow: Nasledie, 1974. – 206 p. (In Russ.).
 EPSTEIN M.N. *Mir zhivotnyh i samosoznanie cheloveka*. [The world of animals and human self-consciousness. Artistic creativity. Man–Nature–Art]. – L.: "Science", 1986. – 306 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Л.А. Тенгизова – аспирант.

Information about the author

L.A. Tengizova – graduate student.

Статья поступила в редакцию 01.04.2023 г.; одобрена после рецензирования 28.04.2023 г.; принята к публикации 20.06.2023 г.

The article was submitted 01.04.2023; approved after reviewing 28.04.2023; accepted for publication 20.06.2023.